

Что это значит — «Каса маре»? Кажется, мог бы драматург Ион Друцэ дать своей пьесе более ясное имя, мог бы и театр подумать о зрителе, о сборах и найти спектаклю другое название, попонятнее, что-нибудь вроде: «История одной любви»... Но драматург и театр почему-то были упрямы. Нет, будто сказали они, нам дороги эти слова, и пусть будет так: «Каса маре».

И правда, трудно назвать эту пьесу по-другому. Есть в ней какая-то полная достоинства внутренняя сила, требующая уважения даже к частностям. Здесь все — от названия до последней ремарки — необычно и в то же время естественно. Необычна речь людей («Оставь мне что-нибудь на память», — просит он. А женщина отвечает: «Возьми себе на память эти четыре скрипки, эту периницу без начала,

«КАСА МАРЕ»

Н. КРЫМОВА

без конца и все-таки красивую... Пусть памятью тебе будет это ясное небо и эта наша добрая и старая земля со всем, что растет на ней»... Что это, стихи? Песня? Или действительно так говорят влюбленные в молдавских селах?)

Необычны ремарки. Там про народный танец говорится так: «Периница, эта сумасшедшая периница вдруг забила, стала утихать...» — будто это и не музыка, а живое существо.

Необычен весь склад пьесы, где современная бытовая ситуация решается уж во всяком случае не «по-бытовому», где нет ни одного не то чтобы отрицательного, но даже просто несимпатичного героя, где

смысл народных обычаев вдруг звучит очень современно, а жители сегоднешней молдавской деревни смотрят на жизнь с мудростью философов и простодушием поэтов...

Слова «художественная природа произведения», отнесенные к «Каса маре», обретают свое прямое и наиболее точное значение. У этой пьесы есть своя природа, своя естественная гармония, как у растений, в котором все — и листья, и корни, и побеги связаны каким-то одним, свойственным ему внутренним законом. (Поэтому и название изменить нельзя — оно, как цветок на стебле: «Каса маре»...)

Если выпало театру счастье найти такую пьесу, то задача, вопреки установившейся привычке переделывать, изменять, дописывать, на этот раз сводится к самому простому (или самому сложному): понять, не нарушить, сохранить.

Не нарушить очень трудно. Чуть больше национального «быта» — и будет просто «бытовая драма» из жизни молдавского села. Чуть больше чувственности — и будет история о том, как немолодая вдова полюбила ровесника своего сына, и уже Василиуца (так зовут вдову) вызовет не сочувствие, а какое-то иное, иного рода отношение. Чуть меньше юмора — и безнадежно потеряется то, что отличает пьесу Друцэ, чуть меньше поэзии — и вдребезги разлетится прелесть «Каса маре»...

Вот какую трудную пьесу взял Центральный театр Советской Армии.

В спектакле, поставленном режиссером Б. Львовым, нет этого «чуть больше» или «чуть меньше». И если правда, что талант — это чувство меры, то спектакль надо назвать прежде всего талантливым.

Как играет Василиуцу Л. Добржанская? Вот так и играет, будто эта роль у нее, большой актрисы, единственная в жизни — ни до, ни после ничего не было и не будет. Играет с полной самоотдачей, влюбленно, щедро, будто исповедуется. А в то же время хочется сказать: никак не играет. Нет в этом исполнении надоевшего актерства, нет расточительной мимики, эффектных жестов, нет никакого «театра». Удивительно смело и самоотверженно играет актриса, доверяя себя и свою Василиуцу уму и сердцу зрителя. (Похожа ли она на женщину из современной молдавской деревни — трудно ответить, когда ты не был в Молдавии. Но, говорят, один молдавский писатель сказал: «Я не только верю, что она — молдаванка, я даже знаю, из какого она села»). У нее рабочие руки, которые не делают лишних, праздных движений и ценят минуты отдыха. Есть в спектакле один-единственный момент, когда Василиуца в смятении, в отчаянии. И в этот момент, как человек, который хватается за самое надежное, родное, она начинает вдруг ночью собираться в поле — она привыкла не жаловаться, не страдать, а вкладывать себя в работу, в посевы: «Поработашь тихонько, расскажешь им все, только начнешь, а они уже все за тебя...»

Эта страстная женщина, о любви которой, собственно, и написана пьеса, на сцене больше всего думает. Почти целую картину спектакля стоит, прислонившись к косяку, спокойно сложила руки, смотрит в зал и думает о своем. Рядом — скандал, прибежала мать парня, которого приворожила Василиуца, а потом и отец, крик, шум, от парня требуют ответа, он неожиданно для всех объявляет, что не просто гуляет, а женится на Василиуце, и опять начинается шум, а Василиуца все стоит и думает.

О чем она думает так долго? Может, о тех годах, когда с малым ребенком ждала с фронта мужа, а он не вернулся, умер где-то в госпитале, или о том, как потом, не привыкнув к вдовству, все ждала и ждала она своего бабьего счастья, а пришло оно теперь вон какое — со скандалами, с битыми окнами... А может, о том, что скажет сейчас Павэлаке своему отцу, уйдет он, бросив ее дом, как бросал многие гулянки, или останется? И как ей тогда жить дальше?

Ну кто знает, о чем думает женщина, когда она молчит?

Василиуца слушает и будто не слышит, что делается кругом. И потом, когда Павэлаке остался и все будто хорошо, она часто вот так же останавливается и уходит в свои мысли. Может быть, она в это время разговаривает со своим сыном, что служит в Киеве, или с мужем, который не вернулся с войны. За плечами — жизнь, и как ни гони ее, она все стоит перед глаза-

ми. Минуты задумчивости, которые нападают на Василиуцу так неожиданно, будто относят ее от Павэлаке куда-то вдале, к другому берегу, до которого не докричишься...

Разлука этих двух любящих друг друга людей неизбежна. Почему? Потому что, как говорит Василиуца, «есть в мире свой порядок», и нельзя его нарушать. Это не тот порядок, нормы которого вырабатываются любопытными соседями, — их осуждения не боятся Василиуца. И не тот порядок, что устанавливается кодексом законов, — самый справедливый кодекс не учтет всего разнообразия людских сложных судеб и характеров.

Этот порядок — мудрость народной морали, чуждой ханжества, простой и ясной. Василиуца не нарушала этой морали, когда пустила к себе в дом непутевую парня. Она сделала из Павэлаке хорошего человека, и была высокая справедливость в том, что счастье, которое было отнято войной, снова вошло в ее дом.

Но наступило время отпустить Павэлаке. Еще он сам не почувствовал этого, ему вовсе не хочется, чтобы его отпустили, и молоденькая Софийка, как ему кажется, только злит его своей настойчивой привязанностью. А Василиуца уже все поняла. Всем своим существом поняла — пора.

Пьеса написана не о том, как цепляется стареющая женщина за годы, и совсем другое играет Добржанская. Может, и было время, когда такая женщина упала бы на колени, ничего не видя вокруг, и вымаливала бы свое счастье. Василиуца — другая. И представить ее на коленях перед кем-то невозможно. В этом — глубокая, неподдельная современность характера.

Добржанская поразительно играет понимание чужой души — редкостный дар, которым владеет простая женщина из молдавского села. Это понимание разрушает перегородки, воздвигнутые между людьми их эгоизмом, оно позволяет Василиуце услышать «голоса мира», распахнуть свое сердце и пустить в него не только Павэлаке, но и Софийку, и, может быть, их будущих детей, и всю жизнь, и землю, «со всем, что растет на ней и что должно еще вырасти со временем». Так совершается на наших глазах удивительное и прекрасное превращение: любовь женщины ширится, становится более просторной, мудрой, свободной от эгоизма — становится любовью Матери.

Василиуца прощается с человеком, которого любит, и остается одна. Но почему же не поворачивается язык сказать про нее: «бедная Василиуца»?

Нет, не бедная, а богатая Василиуца, потому что, все отдав, она стала богаче — есть такой неписанный закон на земле.

Павэлаке уходит в жизнь, и Василиуца кажется, будто она родила еще одного сына, доброго, честного, который ее не забудет.

...Иди, Павэлаке, иди к своей Софийке, будь с ней счастливым. Ты ничего не имел, когда пришел в дом к Василиуце, и ничего не понимал. Тебе казалось, что ты живешь, знаешь, что такое люди и любовь. На самом деле ты ничего не знал. Ты как будто еще не родился на свет.

А родился ты тут, в доме Василиуцы. Она обнимала тебя — и ты вырос, она была строгой — и ты умел, она отдала тебе все, что было у нее в душе, — и ты стал богатым, она работала рядом — и ты узнал, что такое труд и зачем он нужен человеку. Ах, как повезло тебе, Павэлаке, что через жизнь твою прошла такая женщина, — немногим людям выпадает это счастье.

А теперь иди своей дорогой, иди в жизнь. Но только не забывай того, что получил в этом доме. Ты не забудешь.

...Как соскучились мы по настоящей поэзии в театре! И умные есть у нас спектакли, и талантливые, и театральные, и лаконочные, и жизненные, а вот поэтических мало. Таких, чтобы к правде жизни и театральному мастерству прибавлялось бы еще нечто такое, что издавна называется словом «поэзия». Ион Друцэ дебютирует своей пьесой не только как драматург, но и как поэт. И спектакль «Каса маре» похож на стихотворение, недлиное, ясное и глубокое, в котором каждый волен найти то, что ему близко.

А «Каса маре» (мы ведь так и не объяснили значение этих слов для тех, кто не читал пьесы и не видел спектакля) — это особая комната в молдавском деревенском доме, которую хозяйка годами убирает понаряднее и присматривает за ней, как за ребенком. Здесь справляются праздники, здесь гостию всегда кажется, что его ждали.

А еще «каса маре» — это, наверное, надежда на большое счастье, на радость, на любовь. Ведь такая надежда всегда жива в душе человека.